

ОН
НЕ ОТПУСТИТ

ПРАВО
КНЯЗЯ

VILLA ORIENT

Villa Orient

Право Князя#

<https://litres.ru/74461283>

Аннотация

1000+ комментариев. История о которой спорят

— Ты мой долг, — его голос холодный, как сталь, а пальцы сжимаются на моей шее почти невесомо.— Подарок, который я не просил. Но возврату ты не подлежишь.

В его мире всё можно купить или присвоить. Но я не из тех, кого можно удержать силой.

Я сбежала.

Одна встреча с Князем — и за мою голову назначена цена.

Теперь за мной идут по следу И он — тоже. Только он не из тех, кто отступает.

Это гонка, где на финише либо я в его руках... либо пуля в моём сердце. Только Князь ещё не понял, что в этой охоте хищник сам попал в капкан.

И когда он поймёт, что игра вышла из-под контроля — будет уже поздно что-то изменить.

△# 18+ — Психологическая дуэль на вылет 18+ — Одержимый герой, который не умеет проигрывать — Сильная героиня, которая не станет жертвой — ХЭ, если выжить

Проверьте, что поставили — это чистое вдохновение!

БЕСПЛАТНЫЙ БОНУС Право Князя: После

Смотрите новый буктрейлер

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Пролог

Я смотрел на неё так, будто уже вынес приговор: она принадлежит мне. Без согласия. Без возможности выбора. Проблема была в одном — она не собиралась подчиняться. Она не отвела взгляда и даже не моргнула.

Эта встреча должна была остаться случайным эпизодом, но стала началом моего краха.

Мой взгляд скользил по ней сквозь марево, и всё моё нутро, заточенное на поиск подвоха, било тревогу. Рыжая. Прозрачная. С глазами, в которых плескалась ледяная, самоубийственная решимость. Её притащили ко мне как «пода-рок», как живой транш за чужие долги. Лощёная кукла с дипломом аудитора, которую бросили на корм зверю. Не простая игрушка.

Они решили, я поиграю и выброшу. Я и сам так думал.

Но когда она встала на подоконник, готовая шагнуть в пустоту, лишь бы не чувствовать на себе мои руки... В моей груди что-то хрустнуло. Это не жалость. Это охотничий азарт, смешанный с первобытной жадой присвоить этот огонь.

— Беги, Лида. Мне нравится тебя ловить, — я медленно провёл рукой по её щеке, чувствуя дрожь. Тело её всегда предавало, когда я так рядом в её личном пространстве.

— А мне нравится быть свободной, — ответила она, и в

её тихом голосе не было ни капли страха или сомнения.

— Ты реально думаешь, малышка, что азарт хищника можно измерить километрами?

Тогда я лишь усмехнулся, лениво скользнув пальцами вниз по её шее, где бился неровный пульс.

— Чем дальше ты бежишь, тем выше ставки.

— Когда-то и ты устанешь искать, — в её голосе прозвучала та самая упрямая нотка, которая всегда меня бесила.

— Решила поиграть в гордость прямо в лапах хищника?

Корона на моей руке легла на её шею, почти касаясь золотого украшения в виде змейки.

— У тебя паранойя. Не знаю, в какие игры ты играешь, но я не в твоей лиге, — её голос стал лишь прерывистым шёпотом.

Я прищурился и наклонился к самому её уху:

— Я вижу, что ты не игрок, Лида. Вся эта жизнь — казино, а бабки — просто способ вести счёт. Но ты ведь даже фишки со стола не забрала. Почему?

— Я уже говорила. В счёт погашения долга.

Тонкая золотая змея-подвеска на её шее поймала случайный блик и вызывающе блеснула.

— А если бы не было долга, взяла бы деньги?

Она молча покачала головой, не сводя с меня своих огромных глаз, в которых я каждый раз тонул, как в омуте — в той самой точке невозврата, где логика идёт ко дну, а инстинкт охотника уступает место фатальному притяжению

глубины.

— Если бы не долг, меня бы там не было.

— При другом раскладе мы с тобой не пересеклись бы, — я сказал это очень тихо и наклонившись очень близко, почти ей на ухо.

Ночь висела над портом мокрым плащом — липким, тяжёлым, который хочется сорвать, но не время. Я стоял у окна, сжимая стакан с виски, и чувствовал, как каждая тень шепчет о предательстве. Этот город привык платить кровью, и я привык брать своё. Но в эту ночь правила игры изменились — и я впервые осознал, что могу проиграть.

Она не сдалась. Она объявила войну. Она сбежала.

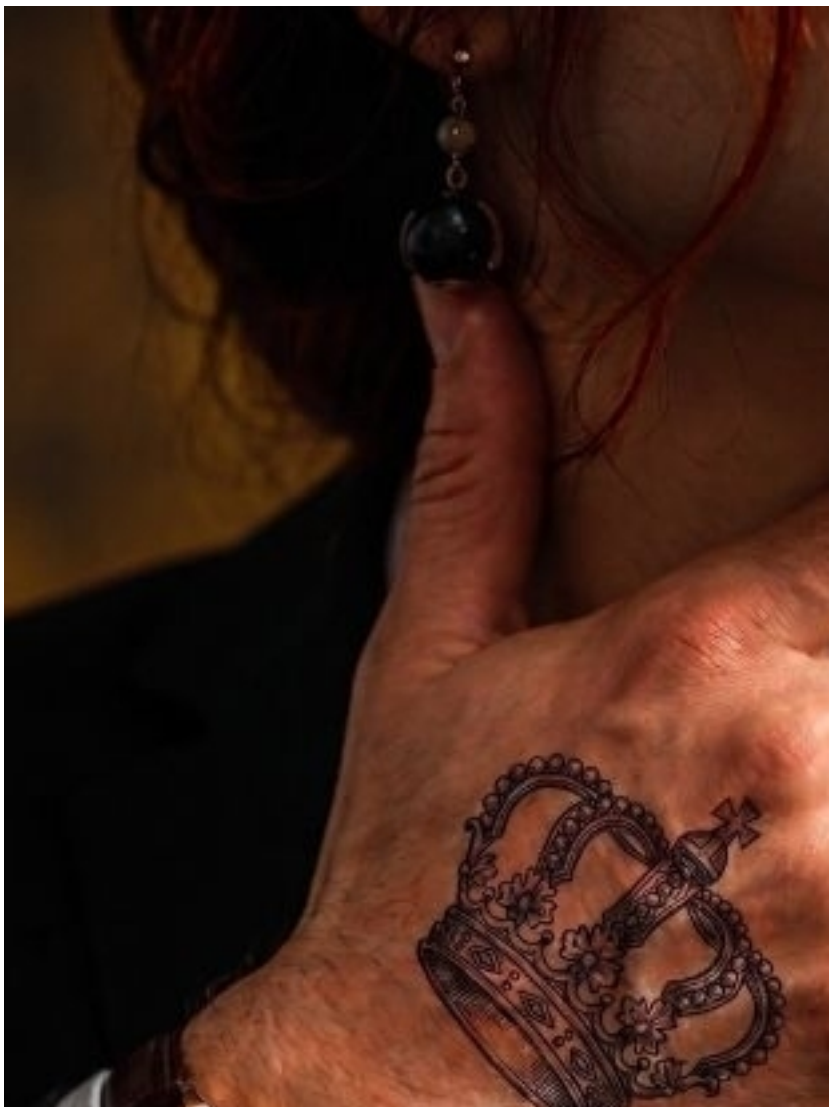
И теперь её ищу не только я. В этой смертельной гонке я обязан быть первым.

Игра началась. Моё право — это власть силы. Право на владение той, ради которой я сожгу этот город дотла.

Добро пожаловать в мой ад, Лида. Надеюсь, ты хорошо умеешь считать, потому что цена твоей свободы только что выросла до небес.

Добро пожаловать в "Право Князя". Здесь жарко.

*## 1000+ комментариев. История о которой спорят!
Дальше будет горячо # ^ # ♡*

Глава 1

Так всегда в жизни: мы-то стараемся, строим планы, готовимся к одному, а судьба преподносит нам совсем другое...

Пьер Бомарше

Пятница. Середина января. Праздничное похмелье страшно выветрилось, оставив серый солёный туман и колючий ветер, завывающий в Цемесской бухте.

В тот утренний час я ещё верила в инерцию привычной жизни. Шла по центру Новороссийска, кутаясь в пальто и вдыхая пропитанный йодом воздух. Настроение было странно лёгким, будто кто-то невидимый повернул тумблер и влил в кровь порцию неоправданного оптимизма. Казалось, сегодня должно случиться что-то светлое. В те минуты ещё можно было всё исправить.

Это чувство было настолько густым, что даже имя Андрея на вибрирующем экране телефона не вызвало привычной гримасы.

— Привет, малыш. Как делишки? — раздался в трубке его бодрый, покровительственный голос.

— Привет. Бегу в офис, — я старалась удержать ту искру лёгкости, что зажглась внутри.

— Что, сегодня опять зароешься в бумажки? — он не

ждал ответа, уверенный, что его новости важнее любого графика. — Мне тут одна птичка на хвосте принесла... Короче, на Новой Набережной открывается клуб. Пафосное место, только для своих. И у меня есть пригласительный. На двоих.

Последнюю фразу он произнёс тоном человека, сорвавшего джекпот. Я промолчала. Андрей поспешил добавить:

— Хочу тебя вытащить. Хватит тебе уже... шататься по заведениям в одиночку.

На слове «шататься» он едва заметно споткнулся. Тонкий укол, проверка границ — проглочу или сорвусь? Я на секунду замедлила шаг, но тут же пошла дальше. Сегодня мне не хотелось ничего анализировать.

— Хорошо, — неожиданно для себя согласилась я. — Сегодня закончу пораньше. Только заскочу домой переодеться.

— Ну, уж будь добра, — в его голосе прорезалось самодовольство. — Там вечерние платья, все дела. По высшему разряду.

— Встретимся у входа в девять.

Я убрала телефон, криво усмехнувшись. Перешла дорогу на зелёный и поймала своё отражение в витрине. Спокойная. Собранная. Чужая самой себе. Было забавно слышать о дресс-коде от парня, который за всё время не подарил мне даже пары колготок. Сама доеду, сама надену платье, купленное на свои заработанные... Цена моей хвалёной независимости.

Я жила в режиме ожидания. Светила контрольной лам-

пой, была включена в сеть, но не функционировала. В родительском доме я в совершенстве овладела искусством быть тенью. Мать с глазами холодными, как подтаявший лёд, и отец, чьё молчание весило тонну... Они научили: проявлять чувства — значит подставляться под удар. Отстранённость стала моим доспехом.

Я смотрела на мир через толстое стекло. Вокруг люди сгорали от страстей, а я лишь фиксировала температуру пламени. Мне казалось, если не подпускать никого близко, боль не дотянется. Но вместе с безопасностью пришла абсолютная пустота. Уютная и совершенно мёртвая.

Появление Андрея ничего не изменило. Он был фоновым шумом, иллюзией «нормальности». С ним не нужно было притворяться живой — он был слишком заиклен на себе, чтобы заметить манекен рядом. Я терпела его, как неудобную обувь: жмёт, но идти надо, а другой пары нет. Мой личный способ самобичевания за неспособность чувствовать.

Мне двадцать пять. Пока другие совершали безумства, я возводила стены. Правильная, рассудительная, опоздавшая на праздник жизни. Я решила, что больше нечего ждать. Принцев не водилось, найти бы того, кто просто не будет ломать.

Так я решила тем утром, не подозревая, что судьба уже занесла нож. Если она и улыбалась мне в тот день, то лишь для того, чтобы удобнее перехватить рукоять. Я и подумать не могла, что уже вечером буду стоять на ледяном подокон-

нике, глядя в чёрную пропасть.

Тогда я ещё не знала, что привычный мир изменится так стремительно, что я не успею сделать даже один отчаянный прыжок. Ошибку я осознала слишком поздно — в тот момент, когда дверь за мной закрылась. До этого можно было списать всё на случайность. После — уже нет.

Но пока... пока я просто шла по улице, и мне было почти хорошо. В тот день я была уверена, что перелистну страницу с Андреем и буду жить дальше.

Так я думала тем утром, ещё не зная, что страница эта окажется залита кровью и пеплом.

Спасибо за отклик#комментарии ##награды##и поддержку!

Не забудьте поставить звёздочку (лайк) # Это займёт всего пару секунд, а для автора это признание и вдохновение!

Добавьте книгу в библиотеку, чтобы видеть не потерять книгу.

История очень эмоциональная и горячая!

Глава 2

Весь остаток рабочего дня я провела в странном оцепенении, то и дело проваливаясь в мысли о предстоящем вечере. Мой мозг, этот неутомимый аналитик, даже во время сверки счетов продолжал классифицировать реальность. За последний месяц, работая в «закулисье», я насмотрелась на самых разных людей, стекающихся в клуб, как мотыльки на ядовитый огонь.

Я мысленно делила их на касты: у каждой группы были свои чёткие цели в этом злачном месте и, соответственно, свой «боевой раскрас». Я трезво оценивала расклад: некоторых высот — финансовых и социальных — мне не достичь и за три жизни, но надеть сегодня вечерний наряд мне никто не мог запретить. Более того, дресс-код этого требовал, и неважно, что моё платье было из обычного масс-маркета.

С этой почти радостной, непривычно дерзкой мыслью я аккуратно сложила в стопку отчётность, которую проверяла с самого утра, и понесла её в кабинет финансового директора.

Анна Николаевна, заметив мою суету, лукаво выглянула из-за очков:

— Что, Лидочка, уходишь сегодня пораньше? — она весело прищурилась, явно одобряя мой порыв. — Какие-то планы на вечер?

Я почувствовала, как щёки предательски заливают румянец, и просто кивнула.

— Вот и правильно. Отдохни как следует. Ты у нас работаешь как хирург, а иногда нужно просто быть молодой женщиной, — она по-доброму подмигнула мне.

— Хороших выходных вам, Анна Николаевна.

Выходя из кабинета, я подумала, что эта женщина — пожалуй, единственный человек в этом городе, кто относится ко мне по-человечески. И от этого было очень тепло.

Дома я собиралась как в трансе. Моя подготовка напоминала сухую инвентаризацию на складе: всё по полочкам, всё промаркировано; сложный механизм приведён в товарный вид. Макияж, причёска... за отражением в зеркале я видела не себя, а безупречную маску.

Слой тонального крема создавал нужную дистанцию между мной и миром, а стрелки на глазах делали взгляд острее, защищая мой внутренний бункер. Моя рука замерла после последнего штриха. Чёрное платье обхватило тело, как вторая кожа. Оно было моим панцирем — слишком закрытым, чтобы кто-то рискнул заглянуть глубже. Я провела по изгибам, расправляя невидимые складки. Я даже представить не могла, насколько глубоко меня сегодня рассмотрят и препарируют буквально до атомов.

Перед зеркалом я привычным движением нащупала замок цепочки. Золотая подвеска-змейка скользнула по коже, поймав тусклый свет люстры. Мне нравилось, как гибкое ме-

таллическое тело повторяет каждое моё движение — изящное, но готовое к броску. В каком-то смысле эта змейка напоминала меня — человека, способного сбрасывать старую кожу, оставляя в прошлом весь пепел и боль, чтобы возродиться заново. Я носила её как напоминание: что бы ни случилось вокруг, мою внутреннюю суть невозможно сломать.

Я бросила последний, почти хирургический взгляд на отражение. И всё же, глубоко внутри, по телу пробежали мурашки от собственного отражения. Обычно я выглядела как студентка-первокурсница — молоденькая, непосредственная, почти прозрачная. Но сегодня мне хотелось веса. Хотелось выглядеть на свой возраст, солиднее, опаснее. Для завершения образа я надела туфли на шпильке.

В девять вечера я уже стояла на месте. Новороссийский норд-ост швырял в лицо ледяные брызги, но я не двигалась, глядя на неоновые всполохи вывески.

Вход в новый клуб «Домино» сиял так, что его нельзя было пропустить. У дверей уже теснилась страждущая молодёжь — слухи о скидках и халявном алкоголе разлетались быстро. Но фейс-контроль — двое шкафоподобных бугаев в строгих чёрных костюмах — ревностно отсекал «лишних». Сегодня это место было не для всех. Даже на улице, сквозь толстые стены, прорывались тяжёлые, вибрирующие биты. Я понимала: без Андрея и его магических пригласительных меня развернут на первой же секунде.

Андрей появился чуть позже. Он выглядел нелепо в сво-

ём отчаянном желании сойти за «своего» в этом мире роскоши: слишком много дорогого парфюма, избыток суетливых движений. Увидев меня, он даже не подумал поздороваться нормально: не коснулся руки, не спросил, не замёрзла ли я в своём лёгком пальто под этим ветром.

— Ну наконец-то, — недовольно буркнул он, вместо приветствия демонстративно глядя на часы, будто это я заставила его ждать, а не наоборот.

Он окинул мой наряд придирчивым взглядом и, кажется, остался разочарован.

— Ты хоть представляешь, какие люди здесь сегодня соберутся? Могла бы и постараться выглядеть подороже. И смени это выражение лица, будто ты на похоронах стоишь. Мы развлекаться пришли, а ты застыла как замороженная рыба.

Я лишь безразлично пожала плечами. Холод внутри меня был сильнее ветра.

— Я могу уйти, если тебя что-то не устраивает.

— Нет уж, пошли теперь, — отрезал он.

Я почувствовала, как пальцы немеют от холода — или не только от него. Он бесцеремонно взял меня под локоть, но в этом жесте не было ни заботы, ни поддержки. Он просто проталкивал меня внутрь, поближе к блеску, которым так жаждал напиться сам. Его голос сочился привычным пренебрежением, которое он неумело маскировал под опеку. Я в очередной раз напомнила себе: это просто этап. Короткая, пресная страница, которую нужно перелистнуть и идти даль-

ше.

— Пошли уже, не позорь меня перед входом, — добавил он, и мы шагнули в душный, вибрирующий от басов полумрак.

Мы протиснулись сквозь кордон охраны. Андрей с каким-то почти религиозным трепетом предъявил два пригласительных, словно это были ключи от рая. Нас повели внутрь, и Андрей обернулся ко мне с широкой, туповатой улыбкой ребёнка, которому наконец-то разрешили войти в магазин игрушек. Я снова подумала, насколько же нам не по пути, но решила оставить эти мысли за дверью. Хотя бы на этот вечер.

Мы сдали пальто в гардероб и вошли в зал через массивные дубовые двери. Внутри клуб поражал — это был не очередной сетевой танцпол, а настоящий храм нуара и современного искусства. Контраст с ледяной сыростью набережной был просто оглушительным.

Пространство «Домино» встретило нас тяжёлым, густым люксом. Запах дорогого табака, селективных духов и чего-то приторного, как жжёный сахар. После улицы воздух казался плотным, почти осязаемым.

Интерьер давил винными и угольными тонами. Повсюду полированный камень, зеркала в массивных рамах и лучи света, выхватывающие то грани хрусталя, то чей-то хищный взгляд в толпе. Музыка не била по ушам — она вибрировала где-то в солнечном сплетении, заставляя сердце подстра-

иваться под свой ритм. На сцене под неоном извивались танцовщицы в костюмах из цепей и камней — больше ювелирная работа, чем одежда.

Андрей моментально расправил плечи. Его взгляд стал суеуливым и жадным — он лихорадочно искал, кому бы продемонстрировать свой «билет» в высшую лигу. Для него это был триумф, а для меня — просто очередная клетка, где прутья на этот раз были покрыты золотом.

— Гляди, — прошептал он мне прямо в ухо, кивая на VIP-ложу за полупрозрачной ширмой. — Там сам хозяин. Говорят, он не прощает ошибок, но своих осыпает золотом. Понимаешь теперь, Лидка, на какой уровень я тебя вывел?

Я промолчала и посмотрела наверх. В приглушённом свете клуба сквозь лучи прожекторов невозможно было разглядеть людей наверху. За дымчатым стеклом угадывался силуэт мужчины, развалившегося на широком диване, а к нему прижималась изящная фигура женщины с длинными локонами.

Вокруг нас скользили официанты в масках, а на сцене шло красочное представление. Всё это казалось декорацией к фильму, где мне досталась роль, которую я не хотела играть.

Но вечер только начинался, а я ещё не знала, что закончится он тогда, когда все чужие желания будут исполнены.

Если эта глава вас зацепила — поддержите книгу ##

Для этой историй ваша поддержка очень важна!

Глава 3

Менеджер провёл нас к крошечному столику в самом углу. Шум клуба сразу обрушился на меня плотной стеной, но я привычно попыталась выстроить невидимый барьер. Это был мой старый трюк: находиться в центре толпы, но чувствовать себя так, будто смотрю кинохронику о жизни другой планеты. Грохот басов заменял сердцебиение. На мгновение даже стало спокойно: в этой искусственной реальности всё было фальшивым, а значит — понятным.

Но стоило нам сесть, как уверенность начала таять. Внутри шевельнулось дурное предчувствие — липкое, холодное, как сквозняк из открытого подвала. Мне вдруг стало не по себе: от резкого запаха чужих духов, от лиц вокруг, от того, как Андрей суеился на стуле.

Он дёргался под музыку, нацепив дурацкую улыбку, а бегающие глазки выдавали его с потрохами. Я смотрела на него и видела не мужчину, а жалкую карикатуру. Опасную в своей глупости.

Мой внутренний предохранитель жалобно затрещал. Я привыкла контролировать жизнь через графики, но здесь логика не работала. Здесь пахло деньгами и бесконтрольной силой. Взгляды окружающих не скользили мимо, а впились в кожу. Мой защитный кокон дал трещину. Я вдруг остро осознала: я не «над схваткой».

Я — добыча, которую заманили в золочёную клетку.

В этот момент пространство сжалось до размеров узкого горлышка. Я поняла, что совершила фатальную ошибку, когда решила перелистнуть страницу с помощью Андрея. Я хотела поиграть в жизнь, но жизнь вздумала поиграть мной. Мой разум, всегда готовый найти выход, замолк, оставив меня один на один с первобытным ужасом жертвы, которая услышала, как за её спиной захлопнулся замок.

Мы даже не успели открыть меню, когда к столу подошёл мужчина. Он не был похож на официанта — скорее на тех тяжёлых парней у входа. Взгляд пустой.

— Андрей, за мной, — бросил он, даже не пытаясь быть вежливым.

Андрей побледнел, в неоновом свете его лицо стало фиолетовым. Он нехотя поднялся, не взглянув на меня, когда мужчина резко добавил:

— И девицу свою не забудь.

Я подняла глаза на Андрея, но его мысли были где-то далеко.

— Мне тоже идти с тобой?

— Да уж, вставай, — бросил Андрей раздражённо уже на ходу.

Мой аналитический мозг выдал однозначную ошибку: мы в ловушке. Я не была уверена, что поступаю правильно, но всё же встала. Мне и в голову не могло прийти, чем всё обернётся.

Мы поднялись выше. Длинный коридор с закрытыми дверями напомнил мне пустынный этаж гостиницы, но тишина здесь была зловещей. Я знала, что гостям сюда нельзя. И понимала, что Андрей — слишком мелкая сошка для таких приглашений. Если только...

Но об этом я подумать не успела. Нам открыли самую последнюю дверь. Кабинет был обставлен дорого. За большим столом сидел молодой мужчина. Напротив двери располагались кожаные диваны, а за стеклянным журнальным столиком двое крупных парней в костюмах лениво играли в карты.

— Андрей! — протянул мужчина с ухмылкой, вставая из-за стола. — Не думал, что ты придёшь.

— Но... Мне же приглашение прислали, — сбивчиво произнёс Андрей.

Мужчина коротко, по-звериному оскалился:

— Слышь, мы за тобой месяц по всем притонам пыль глотали, а ты, оказывается, по первому приглашению прибегаешь? — его голос мгновенно стал свинцовым, режущим слух. — Где бабки, Андрей? Ты на счётчик встал ещё по весне.

— Я всё закрою, Алекс. Век воли не видать, всё до копейки верну.

— Когда, Андрей? Сроки все вышли, мы уже заждались.

Он не повысил тон. Не сделал ни одного резкого движения. Алекс лишь небрежно кивнул в сторону одного из игроков. Тот резко отшвырнул карты, в один шаг сократил

дистанцию и с размаху всадил колено Андрею в солнечное сплетение. Андрей со свистом выдохнул воздух и со стоном сложился пополам, хватая ртом пустоту.

Я дёрнулась назад. Шаг. Всего один. Спиной упёрлась в стену.

Алекс лениво прошёл мимо меня, а я перестала дышать.

— Спрашиваю последний раз: когда лавэ будет? — с нажимом, почти шёпотом повторил Алекс, наклоняясь к самому уху должника.

— Через неделю... — прохрипел Андрей, не разгибаясь.

— Твоя неделя, фраер, ещё месяц назад в тираж вышла. Ты воздух нам продаёшь, а нам металл нужен.

Алекс взял его за шкурку и подтащил к столу. Левую руку Андрея он зафиксировал на столешнице, растопырив ему пальцы, и достал нож с широким лезвием. Щелчок выкидного лезвия прозвучал как приговор. Двое других лишь ухмыльнулись.

Всё происходило мгновенно, но мой мозг фиксировал детали как в замедленной съёмке дешёвого криминального фильма. Я впала в ступор. Хотелось закричать, но ни звука не вырвалось из приоткрытого рта. Я переводила взгляд, полный ужаса, то на Андрея, то на Алекса. И ни один из них мне не нравился. Алекс начал говорить, чеканя каждое слово как объяснение глупому ребёнку:

— Слышь, Андрей, дедлайн твой сдох, а я тебе не кредитный отдел, чтобы сопли вытирать и в трубку дышать, —

Алекс процедил это сквозь зубы. — Могу прямо сейчас пару пальцев тебе укоротить. Чисто в залог, чтобы память освежить. У меня тут и струна имеется, и тесак зачётный, а стены в подвале толстые — ори не ори, никто не подпишется.

Андрей заверещал, как сорвавшийся тормоз:

— Не надо! Мамой клянусь! У меня дома заначка, вся доля под матрасом, в баксах! Прямо сейчас поедем и заберёте!

Алекс наклонился к самому его уху, обжигая ледяным дыханием:

— Ты же в курсе, терпила, что мы твою хату по кирпичам знаем? Думаешь, в прятки со мной играешь?

Тот затрясся, мелко и часто кивая.

— Ну давай, Андрей, рви когти. Одна нога здесь, другая — там. И не дай бог тебе по дороге заплутать. Мои парни тебя проводят до дверей и обратно.

Алекс брезгливо оттолкнул его. Андрей сполз на пол, потирая ушибленный бок, вскочил и ломанулся к выходу, даже не скользнув по мне взглядом. Я всё это время стояла в углу как неодушевлённый предмет, боясь вздохнуть. Когда пальцы Андрея вцепились в дверную ручку, я на автомате рванулась следом — прочь из этого ада.

Но голос Алекса пригвоздил меня к месту:

— Стоять. Ты остаёшься здесь.

Андрей мельком взглянул на меня и пулей вылетел вон из кабинета. Я будто не поняла и снова двинулась к выходу. Не могут же они удерживать меня силой! Это не укладывалось

в голове. Вся ситуация стала казаться нереальным фарсом. Но когда я уже дотронулась до ручки, свет над головой внезапно перекрыла широкая тень. Ладонь Алекса легла на полотно рядом с моей — не грубо, а уверенно. Дверь больше не двигалась.

Я замерла и подняла глаза, упёршись взглядом в узел его галстука. Чтобы увидеть его лицо, мне пришлось неестественно запрокинуть голову, и этот жест — беззащитно открытая шея, взгляд снизу вверх — отозвался во мне тошнотворным чувством слабости. Его плечи казались бесконечными, а рука, преграждавшая путь, была вдвое шире моей. Его взгляд задержался на моём лице — не оценивая, а холодно изучая. Слишком внимательно.

— Сядь.

Внутри вдруг вспыхнула ярость — та самая, что помогала мне когда-то выживать.

— Я не понимаю, что здесь происходит. Я вам ничего не должна. Хочу уйти прямо сейчас.

— Прямо сейчас не получится. Присаживайся пока.

Он положил руки мне на плечи и мягко, почти лениво, усадил на диван. Не толчок — давление. Я села. В голове гудело от унижения и страха. Против такой грубой, животной массы никакая логика не работала. Я чувствовала себя физически раздавленной просто тем, что он дышал со мной одним воздухом.

Алекс вернулся за стол, мгновенно потеряв ко мне ин-

интерес, будто я была просто предметом мебели. А мне осталось только забиться в угол дивана и судорожно оправлять длинную юбку, чувствуя, как мир, который я так старательно строила, разлетается в пыль.

Спасибо, что читаете##

Мне очень приятно, что история вызывает у вас такой горячий отзыв #####

У книги появился новый ## буктрейлер##

Глава 4

Очередной «храм разврата», очередная пафосная вывеска, за которой скрывается всё та же гниль. Клуб назывался как-то претенциозно — то ли «Олимп», то ли «Элита», я даже не запомнил. Меня пригласили, потому что моё присутствие здесь — это своего рода знак качества, печать на документах о том, что заведение «в законе» и под правильным присмотром.

Я сидел в глубине VIP-ложи, откинувшись на кожаную спинку дивана, и цедил виски. В зале гремел бит, от которого у нормального человека через десять минут должна была расколоться башка. Свет — неоновый, режущий, ядовито-синий и кроваво-красный — выхватывал из толпы потные лица мажоров и их разодетых кукол.

Всё это я видел сотни раз. Запах дорогих духов, смешанный с перегаром и чужим потом. Вентиляция не справлялась, или хозяева решили сэкономить на фильтрах. Воздух был тяжёлым, спёртым, пропитанным фальшивым восторгом. Для этих терпил здесь — вершина жизни, а для меня — просто очередной пункт в графике, от которого уже сводило челюсти.

Скука. Смертная, серая скука, которую не мог разогнать даже самый элитный алкоголь.

Для этих штрихов на танцполе это был пик их никчём-

ной жизни, а я видел только пыль, которая осядет к утру, и ценники, которые они не смогут оплатить. Тоска. Тотальная, беспросветная — она пропитывала здесь всё. Я перерос это дерьмо лет пятнадцать назад.

— Сев, ну чего ты такой хмурый? Расслабься... — раздалось над самым ухом.

Марта. Очередная «королева бензоколонки», выдрессированная эскорт-агентствами. Она подсела вплотную, обдавая меня густым ароматом «Шанели», который в этой духоте казался смрадом. Её внешность — стандартный люкс: губы, накачанные до предела, скулы, вырезанные скальпелем, ресницы-веера. Всё по ГОСТу, всё как у сотен других. Пластиковая красота без единой живой искры.

Она начала тереться грудью о моё плечо, ластиться, как кошка, которой срочно нужно внимание хозяина. Её рука скользнула по моему бедру, а губы коснулись мочки уха.

— Потанцуем? Или, может, сразу наверх? Тут есть отличные номера... — шептала она, стараясь придать голосу хриплую томность.

Меня это не возбуждало. Наоборот, вызывало брезгливость. Я чувствовал её навязчивость как липкую грязь. Она была насквозь фальшивой, скользкой. Каждое движение — по методичке: как прижаться, как выгнуть спину, под каким углом подставить мне свои «формы», чтобы я оценил масштаб вложений. Профессиональная шкура, которая думает, что её тело — это ключ ко всем дверям. Она не понимала,

что я вижу её насквозь — её жадность, её пустоту, её страх оказаться не востребованной. Она мне надоела ещё до того, как открыла рот.

— Слышь, Ром, ты мне зубы не заговаривай, — я перевёл взгляд на своего партнёра, сидевшего напротив. — Ты обещал, что транш пройдёт ещё вчера. Где бабки?

Роман, тёртый калач в дорогом пиджаке, заёрзал. Его глаза бегали, он постоянно поправлял галстук, хотя в ложе было прохладно.

— Сева, понимаешь, возникли технические заминки на таможне... Перевозчик подвёл, там сейчас трясут всех подряд из-за недавнего блудняка в порту. Дай мне три дня, и всё будет в ажуре. Клянусь.

— Три дня? — я прищурился, чувствуя, как внутри начинает закипать раздражение. — Мы так не договаривались. Ты за этот базар отвечаешь головой. У меня люди ждут, поставки горят, а ты мне тут про «технические заминки» втираешь?

— Сева, ну ты же знаешь расклад... — он пытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Риски всегда есть.

Я его почти не слушал. Внутри, где-то под рёбрами, заворчалось то самое предчувствие. Старый, проверенный инстинкт охотника, который никогда меня не подводил. Воздух в клубе внезапно стал казаться ещё более душным. Что-то было не так. Какая-то фальшивая нота во всём этом балагане. Рома слишком сильно потел, охрана на входе вела себя

слишком суетливо, даже музыка, казалось, была по нервам как-то по-особенному. Подвох. Я нутром чуял ловушку.

Марта снова прижалась, запустив пальцы в мои волосы на затылке.

— Ну Се-е-ева... Ну отвлекись ты от своих дел...

Это стало последней каплей. Контроль сорвался.

— Пошла вон! — рявкнул я так, что Марта отпрянула, едва не свалившись с дивана. — Вали отсюда, пока я тебе лицо не перекроил. Чтобы я тебя в радиусе километра больше не видел! Брысь!

Она вскочила, сверкая глазами от обиды и страха, и растворилась в толпе, даже не пикнув. Я повернулся к Роману. Тот втянул голову в плечи.

— И ты, — я ткнул в него пальцем. — Разговор закончен. У тебя нет трёх дней. У тебя есть время до утра. Если вся сумма не упадет на счёт к девяти ноль-ноль — пеняй на себя. Я предупредил.

— Понял, Сева, понял... — он закивал так часто, что я испугался, как бы у него башка не отвалилась.

Я встал, опрокинув стакан с виски. Грохот стекла утонул в басах, но в нашей ложе стало мертвенно тихо.

— Всем стоять! — рыкнул я на своих быков, которые уже дёрнулись следом. — Ждите здесь. Николай, машину к входу. Живо!

Я шёл через зал, расталкивая танцующих плечами. Мне было плевать на их возмущённые вопли. Внутри выл сигнал

тревоги. Этот клуб, эти люди, этот фальшивый праздник — всё это начало вызывать у меня ярость такого масштаба, что хотелось просто всё здесь разнести. Нужно было убираться отсюда. Сейчас же. Пока этот липкий подвох не захлопнулся окончательно.

Я шёл, чувствуя, как кулаки чешутся. Хотелось сорвать с этого места всю эту мишуру. Николай уже ждал у выхода, когда из тени вынырнул их менеджер — имени этого слизня-ка я не помнил. Он буквально стелился по полу, заглядывая мне в глаза с такой подобострастной рожей, что захотелось ему врезать просто для профилактики.

— Всеволод Александрович, — зашептал он, преграждая путь, но держась на почтительном расстоянии. — Обождите секунду. Я вижу, вечер не задался, Рома — придурок, это все знают... Но у меня для вас есть кое-что... Особенное.

— Сгинь, смерд. Не до тебя сейчас, — рыкнул я, пытаюсь пройти мимо.

— Нет-нет, послушайте! Есть девчонка. Прямо здесь, наверху. Не из этих наших... системных. Совсем другая. Чистая, дикая, вам точно зайдёт! — он едва ли не за пуговицу меня ловил. — Ангел, настоящее сокровище. Посмотрите только, Сева. Специально для вас придержал. Если не понравится — я лично вам за весь этот вечер неустойку выплачу. Умоляю, всего пять минут!

Я остановился. Злость бурлила, требуя выхода, а это предложение менеджера... оно прозвучало как раз вовремя, что-

бы сбить этот липкий осадок от Ромы и Марты. Хотелось посмотреть на этого «ангела». И возникло ведь у меня ощущение, что это не просто случайная встреча, но я не придал этому значения.

— Веди, — процедил я сквозь зубы. — Но если там очередная кукла в стразах — ты у меня до утра не доживёшь.

Он просиял, как начищенный пятак, и суетливо повёл меня к лифту.

Спасибо, что читаете и комментируете##

Если хотите продолжать этот диалог — подпишитесь на автора.

the 1990s, the number of people in the world who are under 15 years of age has increased by 1.2 billion, from 1.1 billion in 1980 to 2.3 billion in 1999 (United Nations 2000).

There is a growing awareness of the need to address the needs of children in the 21st century. The United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) has been signed by 112 countries, and the United Nations Millennium Declaration (2000) has set out a commitment to 'ensure that all children have access to primary education' (United Nations 2000, p. 10).

There is a growing awareness of the need to address the needs of children in the 21st century. The United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) has been signed by 112 countries, and the United Nations Millennium Declaration (2000) has set out a commitment to 'ensure that all children have access to primary education' (United Nations 2000, p. 10).

There is a growing awareness of the need to address the needs of children in the 21st century. The United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) has been signed by 112 countries, and the United Nations Millennium Declaration (2000) has set out a commitment to 'ensure that all children have access to primary education' (United Nations 2000, p. 10).

There is a growing awareness of the need to address the needs of children in the 21st century. The United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) has been signed by 112 countries, and the United Nations Millennium Declaration (2000) has set out a commitment to 'ensure that all children have access to primary education' (United Nations 2000, p. 10).

There is a growing awareness of the need to address the needs of children in the 21st century. The United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) has been signed by 112 countries, and the United Nations Millennium Declaration (2000) has set out a commitment to 'ensure that all children have access to primary education' (United Nations 2000, p. 10).

There is a growing awareness of the need to address the needs of children in the 21st century. The United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) has been signed by 112 countries, and the United Nations Millennium Declaration (2000) has set out a commitment to 'ensure that all children have access to primary education' (United Nations 2000, p. 10).

There is a growing awareness of the need to address the needs of children in the 21st century. The United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) has been signed by 112 countries, and the United Nations Millennium Declaration (2000) has set out a commitment to 'ensure that all children have access to primary education' (United Nations 2000, p. 10).

There is a growing awareness of the need to address the needs of children in the 21st century. The United Nations Convention on the Rights of the Child (1989) has been signed by 112 countries, and the United Nations Millennium Declaration (2000) has set out a commitment to 'ensure that all children have access to primary education' (United Nations 2000, p. 10).

Глава 5

Не знаю, сколько просидела в комнате с тремя головоре-
зами. Часов здесь не было, а сумку с телефоном забрали по-
чти сразу. Картёжники четыре раза ходили курить. Алекс ни
разу не встал из-за стола, подписывая бумаги и периодиче-
ски разговаривая по телефону. Через какое-то время начала
считать про себя — только это спасало от безумия.

Время в кабинете превратилось в густой, липкий кисель.
Я сидела, вжавшись в диван, и чувствовала, как привычный
мир планов на будущее рассыпается в прах. Ничто больше
не имело значения, кроме одного: ожидания.

Я погрузилась в состояние ледяного оцепенения. Это
мой защитный механизм, выработанный годами жизни с от-
цом-тираном: когда мир вокруг становится слишком жесто-
ким, нужно просто выйти из комнаты внутри собственной
головы. Я начала считать. Раз, два, три... миллион. Мозг от-
чаянно цеплялся за арифметику, пытаясь отгородиться от
тяжёлых взглядов мужчин, сидевших напротив. Они не ви-
дели во мне человека. Для них я была ликвидным имуще-
ством, залогом, вещью.

Я досчитала почти до миллиона, когда Алекс потянулся в
кожаном кресле, а его компания встрепенулась и оторвалась
от карт.

— Ну что, краля, голос-то есть? Как величать тебя, чудо

рыжее?

Алекс окинул меня масляным, оценивающим взглядом, от которого захотелось вымыться. Я нервно сглотнула, чувствуя, как в горле встал комом сухой песок.

— Лидия, — вытолкнула из себя едва слышный звук.

— И чем по жизни дышишь? Грызёшь гранит науки или уже на хлеб сама мажешь?

Я не совсем поняла жаргон, но ответила по смыслу:

— Работаю, — голос почти не дрогнул.

— И на каком поприще подвизаешься?

Он вальяжно откинулся на спинку стула.

— Финансовый менеджер. Аудитор.

Алекс даже присвистнул, по-шутовски округлив глаза.

— Опачки! Серьёзная масть. Везёт же всяким чертям вроде Андрюхи — такие породистые девки на них сами вешаются, как медали на грудь. Слышь, Лида, ты как с этим лошпетухом вообще в один блудняк вписалась? Каким ветром тебя к нему занесло?

Я лишь пожала плечами. Сама не знаю — как и почему. И теперь эта ошибка будет стоить слишком дорого.

— Чего, реально не в курсе была, что твой хахаль — игрочила конченный и в долгах как в шелках? — Алекс прищурился, глядя мне прямо в глаза.

— Нет, — отрезала я, стараясь не дрожать. — Сколько он вам должен?

— Пол-ляма деревянных, — бросил он так буднично, буд-

то речь шла о пачке сигарет.

Свистеть я не умела, да и дурная это примета, поэтому лишь шумно выдохнула. Цена моей жизни, назначенная человеком, которого я считала лишь временным недоразумением. Таких денег у меня не было. Но это ведь и не мой долг — чужая бухгалтерская операция.

Я собрала волю в кулак. Сейчас решалась моя судьба. Я встала, намереваясь уйти:

— Я вам не должна ни копейки... — голос звучал твёрдо, хотя внутри всё вибрировало от страха. Но закончить мысль я не успела.

В этот момент дверь распахнулась без стука. В кабинет ввалился очередной бугай с рязанской рожей, на ходу потирая отбитый кулак.

— Алекс, ты в деле или как? Перетереть надо, — бросил он, не глядя в мою сторону.

— Чего там у тебя ещё? Выкладывай, — Алекс недовольно поморщился, явно не желая прерывать допрос.

— Да Князь там лютует. Попёр Марту ко всем чертям, недоволен остался. Сказал, чтобы духу её в его пространстве не было.

Алекс удивлённо вскинул брови:

— Да ладно? Раньше же она у него в фаворе была, он её за профессионализм ценил. Что на этот раз не так?

Бугай лишь неопределённо развёл руками в тяжёлых татуировках:

— Хрен его разберёт, какая муха его укусила. Рычит на всех, как цепной пёс. Короче, девка в тираж вышла, Князю теперь новый расклад нужен.

Я стояла, глядя на свои руки. Если я просто не мешаю — меня не тронут. Но когда я подняла взгляд — все четверо пар глаз сфокусировались на мне. Смотрели уже иначе — оценивающе, холодно, как смотрят покупатели на скотном рынке. Когда эти головорезы начали ощупывать меня салыми взглядами, я почувствовала физическую тошноту.

Вот теперь я реально испугалась. Это было то самое мерзкое чувство из детства: ты стоишь перед разгневанным родителем и понимаешь — защиты не будет. Но сейчас всё было гораздо хуже. В их глазах не было гнева, только безразличное любопытство хищников.

Алекс наконец вышел из-за стола и задумчиво проговорил, рассуждая вслух:

— Не в моей масти девчонка, но Князю зайти может, — он прищурился, сканируя меня с головы до ног. — Он у нас эстет, любит, чтобы с изюминкой, чтобы не как у всех. Есть у меня интерес одному серьёзному человеку подгон правильный сделать. Надо, чтобы всё по красоте было, комар носа не подточил. Ну что, рыжая, вступишь в тему? По доброй воле?

Я медленно покачала головой. Моя «правильность», которой я всегда так дорожила, вдруг превратилась в клеймо. В их циничном мире это сделало меня эксклюзивным това-

ром, редкой безделушкой для чужой игры.

— Не понимаю, о чём вы... — выдавила я, хотя внутри всё леденело: я прекрасно понимала, куда он клонит.

— Слышь, только дурочку из себя не строй, тебе не идёт, — он шагнул в моё личное пространство, нависая тяжёлой скалой.

Алекс бесцеремонно перехватил мой подбородок железными пальцами, заставляя смотреть ему в глаза. Из-за разницы в росте я чувствовала себя совсем крошечной добычей, чей удел — ждать решения хозяина.

Кино закончилось. Я поняла: хэппи-энда не будет. Нужно что-то отвечать. В момент, когда Алекс грубо меня коснулся во мне что-то надломилось. Тактика «перетерпеть» здесь не сработает. Страх перерос в глухое, безнадёжное отчаяние. Горькая ирония: я так боялась мужчин и близости, так долго выстраивала границы, чтобы в итоге быть отданной в руки неведомого Князя.

— А если скажу «нет»?

Алекс прикрыл глаза и выдохнул, стараясь оставаться спокойным:

— Слышь, чему вас только в этих университетах учат... — он презрительно сплюнул. — Ты не стоишь пол-ляма за несколько часов. По таким расценкам ты этот долг год будешь в разных позах с толпой мужиков разгребать. Я же тебе, дуре, лазейку рисую: одна ночь в правильной постели — и мы в расчёте. Чистый лист. Но имей в виду: если Князь

останется недоволен и забракует подгон... даже не знаю, что с тобой тогда делать. Ну что, решайся, последний шанс даю.

Я помедлила ещё немного. Мне не выбраться из этого капкана самой. Меня никто не отпустит. Я столько всего пережила ещё ребёнком... ещё одна ночь меня не сломает.

— Да.

Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Это не было волевым решением. Это был прыжок в бездну. Я просто хотела, чтобы эта пытка неизвестностью закончилась. Алекс довольно оскалился.

— Считать ты всё-таки умеешь, не зря диплом зубрила, — он коротко кивнул бугаю. — Уведи её. Оформи в лучшем виде.

Уже у самой двери я обернулась. Сердце колотилось где-то в горле.

— Кто он? О чём мне с ним говорить?

Алекс посмотрел на меня так, будто я спросила, какого цвета небо.

— Ты с ним беседы, что ли, разводить собралась? Забудь. Скажешь: «Я — подарок от Алекса». И всё. Рот открывай по другому поводу.

Под эти слова я вышла из кабинета, который перевернул и разделил мою жизнь на «до» и «после».

"Мне нравится"## и добавление в библиотеку — лучший способ поддержать книгу и помочь автору с вдохновением

Спасибо, что вы здесь ##

Глава 6

Опять ожидание в неизвестности. Меня привели в комнату, похожую на гостиничный номер. Внутри стояла большая кровать, прикроватные тумбочки, журнальный столик и два кресла рядом с ним. Часов здесь тоже не наблюдалось. Люди в этом месте не замечали времени.

Комната, в которой я оказалась, пахла стерильной роскошью и чужим предвкушением. Я чувствовала себя как в операционной, где я одновременно — и пациент, и инструмент.

Единственная дверь, кроме входной, вела в небольшую глухую ванную комнату. Я дёрнула ручку входной двери, и оказалось, что она не заперта. Я вышла в коридор, но в конце его на диванчике сидел тот самый бугай. Он отрицательно покачал головой, и я зашла внутрь. Мне не пройти мимо него.

Как я могла так вляпаться? Я — круглая отличница, «правильная» девочка, которая до недавнего времени даже не знала мужчин, не курила и позволяла себе лишь бокал вина в компании проверенных подруг. Как меня занесло в этот капкан, где я вынуждена ждать интимной встречи с совершенно незнакомым человеком? Судьба решила разыграть со мной злую шутку, и юмор у неё был на редкость паршивый. Меня била крупная дрожь, хотя в комнате было даже слишком тепло.

Я ещё раз внимательно осмотрелась в поисках выхода. Напротив двери были плотные шторы от пола до потолка. Я решительно шагнула вперёд и отодвинула портьеру. За шторами было окно. Оно выходило во внутренний двор, где было тихо и никто не ходил. Я повернула замок, и створка открылась полностью, впуская сильный январский ветер.

Я никак не могла понять, какая тут высота со второго этажа, поэтому забралась на высокий подоконник и выглянула наружу. Рядом не было ни пожарной лестницы, ни водосточной трубы. Но это был мой единственный шанс бежать отсюда. Я зажмурилась. Не могла решить, что хуже: ждать мужика, который меня трахнет как проститутку, или спрыгнуть и переломать ноги. Но, может быть, всё пройдёт успешно, и я просто отделаюсь синяками и царапинами и исчезну.

Моя попытка бегства через окно была не актом храбрости, а финальным всплеском инстинкта самосохранения. Когда я сидела на подоконнике, подставляя лицо ледяному ветру, я впервые в жизни ощутила свободу — горькую, опасную, но настоящую. За окном было тихо и спокойно. Просто мир, и он очень близкий. Я выживу — вопрос лишь в тяжести травм.

— О как!

Мужской голос за спиной заставил меня вздрогнуть. Я резко обернулась, всё ещё нелепо сидя на подоконнике и наполовину высунувшись наружу. В дверях стоял он. В тот момент мне было уже плевать, насколько по-идиотски я выгля-

жу. Моя прежняя жизнь всё равно уже рассыпалась в прах. Он был стройным и широкоплечим, подтянутым, но в нём не было той тупой тяжеловесности, как у охранников. Его лицо, гладковыбритое и резкое, напоминало каменную маску Ареса. Он был красив той пугающей красотой, которую обычно печатают на обложках, но его глаза... Это были глаза безжалостного человека, который не знает слова «нет». Стальные, пронизанные абсолютным безразличием и неумолимой, древней силой. Они внушали чистый, бескомпромиссный ужас.

В голубых глазах можно утонуть, как в океане, а можно выплыть, если умеешь плавать; зелёные глаза затягивают как трясина, но серые глаза, которые на меня смотрели, кололи в самое сердце острее стали.

Он закрыл за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Это значило только одно: он пришёл за тем, что ему обещали. За мной.

И мне стало ясно — всё в этой комнате, включая меня, существует для него.

Я снова в отчаянии глянула в окно. Свобода была на расстоянии одного шага, одного решительного движения...

Холодный ветер трепал мои волосы, но не выветривал страшные мысли из головы. Я сделала ещё одно движение вперёд. И меня перехватили крепкие руки. Он стащил меня с подоконника. Полёт отменяется на неопределённый срок. Я потеряла ориентацию и отчаянно упёрлась руками в литу

грудь, затянутую под дорогой тканью пиджака, стараясь создать хоть немного пространства между нами.

Но мужчина стоял вплотную и, кажется, даже не чувствовал моего сопротивления. Меня обдало ароматом его туалетной воды, запахом свежести, мяты и чем-то ещё, что я не могла описать. Я перестала дышать и смотрела прямо перед собой на его широкую грудь, упакованную в дорогой пиджак и синюю рубашку без галстука. Он уверенно перехватил мой подбородок, заставляя поднять голову.

Мир сжался до его рук на мне. Больше ничего не осталось. Я привыкла панически бояться мужских прикосновений, ожидая от них только подавления, но здесь я столкнулась с силой, которой не нужно было давить — я и так уже не могла сопротивляться. И мне стало ясно: он просто возьмёт. Без лишних слов и движений.

Его аромат — смесь дорогой свежести и уверенности — забивал мне лёгкие, не давая дышать. Я замерла, как пойманная птица, которая перестаёт биться, когда понимает, что хватка хищника непоколебима.

Я вдруг чётко осознала: истерика — это пассив, который потянет меня на дно. Молчание — это актив, который можно инвестировать в выживание. Только так я смогу выйти из этой комнаты.

Воистину, только теперь я поняла смысл слов «смотреть сверху вниз». Он был на голову выше, и это ещё только потому, что я была на шпильке в десять сантиметров. Со своим

небольшим ростом я едва доставала ему до груди, чувствуя себя рядом с ним совсем крошечной. Взгляд, такой высокомерный и оценивающий, заставил чувствовать себя жалкой.

Он был молод, лет тридцати, ненамного старше меня, но наш жизненный опыт был просто несопоставим. Рядом с ним я казалась себе ребёнком, который по глупости решил поиграть во взрослые игры и теперь платит за это.

— Надо же, какое солнышко ко мне закатилось.

Я теперь в полной мере слышала его голос: низкий, уверенный, утверждающий.

— Кто ж тебя так напугал?

Я не знала, что отвечают в таких случаях. Может, правду? Поэтому промолчала. Хотела только покачать головой, но не смогла, потому что мой подбородок всё ещё был в его руках. Другой рукой он сжал мои волосы и потянул голову назад. Я оторвала одну руку от его груди и переложила на тыльную сторону его ладони, пытаясь ослабить его хватку. Я почувствовала рубец, пересекающий всю его кисть, и невольно коснулась его подушечками пальцев, по собственному опыту зная, что за каждым шрамом стоит целая история. Я жалко пропищала:

— Мне больно!

— Ты только что собиралась сигать из окна. Убиться — не убилась бы, но переломалась бы в хлам, я тебе гарантирую. А сейчас ноешь, что тебе больно от моих рук?

— Поэтому и не прыгнула.

Я сама не знаю, зачем я это сказала. Очевидно, ему не нужны мои пояснения и оправдания. Но хватку он чуть ослабил. На этом допрос не окончился:

— Тебя Алекс прислал?

Я знала, что сейчас решается моя судьба. Как актёр, который должен выдать лучший перформанс в своей жизни, я приняла единственную роль, которая могла дать мне шанс выжить в этой комнате.

— Да, я — подарок, — прошептала сдавленно.

Голос не слушался, и я думала, что выбрала не то зло. Надо было прыгать, пока была возможность. Сейчас бы уже ехала в больницу. Он чуть вскинул бровь и заглянул в мои глаза, казалось, прожигая насквозь. Догадывался или, может быть, даже знал, что я вру — по крайней мере, наполовину. Я не могла разорвать этот зрительный контакт.

Я умела читать людей — навык, годами отточенный в кругу семьи. И передо мной стоял человек, привыкший вершить судьбы. Жестокий, властный, не признающий возражений. Очередная волна страха накрыла меня. Да сколько же их ещё будет, прежде чем я перестану ужасаться происходящему?

Он наклонился и поцеловал меня. Это был не поцелуй, это был захват. Его язык ворвался в мой рот, резко и бесцеремонно. Он не собирался быть нежным или ждать моего отклика. Порочный, властный поцелуй, не оставляющий мне ни единого шанса на манёвр.

Я не хотела этого. Совсем не хотела. Но через некото-

рое время просто... перестала сопротивляться. И это было страшнее всего. Я сдалась. Разомкнула губы, позволяя ему делать всё, что он хочет. По телу прошла горячая волна, мурашки забарабанили по коже. Сердце колотилось так, что, казалось, выскочит из груди. Я дрожала как осиновый лист, но не сопротивлялась. Было страшно, до одури непривычно, но не больно. Пока.

Он сам оставил мои губы и лениво отпустил мои волосы, чтобы переместить руку на шею сзади и ниже, там, где началась молния на платье. Он легко её расстегнул и стянул с плеч тонкие бретельки. Платье предательски упало к моим ногам, но он не остановился, не стал смотреть на промежуточный результат и расстегнул бюстгальтер.

Я не была худой. Мама всегда говорила, что я фигуристая, занятия спортом добавили мышечную массу и изгибы, которые с возрастом стали более мягкими. Грудь у меня была полная, поэтому сегодня я не решилась идти без белья и надела бра без бретелек. Но обнажённой груди он тоже не коснулся.

Князь сел на кровать, продолжая смотреть на моё тело. Я стояла и не могла пошевелиться, настолько эта ситуация казалась мне дикой и противоестественной. Я нахожусь в комнате с человеком, которого первый раз в жизни вижу, за чужой долг, позволяю себя раздевать и даже не могу прикрыться. Мне захотелось бежать — и не только из этой комнаты, но из этой жизни. Это была чужая жизнь, не моя. Но я пере-

стала бороться, позволив стихии этого незнакомого мужчины нести меня туда, откуда нет возврата.

Судьба — это путь из ниоткуда в никуда. Моё везение сегодня окончательно ушло в минус: когда казалось, что дно достигнуто, снизу постучали. Я приняла правила игры и решила доиграть свою роль.

Он скинул пиджак на кресло и принялся за рубашку. Одна пуговица, вторая... Под тканью открылась мощная грудь и накачанный пресс с дорожкой тёмных волос, уходящей вниз. Он бросил рубашку к пиджаку и за руки притянул меня к себе, а потом одним резким движением опрокинул на кровать.

Я попыталась отползти, но он уже навалился на меня. Его колени устроились между моих ног, так что я не смогла их сдвинуть. На бедре я чувствовала его каменную эрекцию. И вдруг я начала паниковать. Стадия принятия не пришла. Впервые за вечер я сорвалась: оцепенение больше не сковывало меня, я начала сопротивляться, руками пытаюсь оттолкнуть мужчину и выползти из-под него:

— Пустите, не надо, пожалуйста...

Но он легко завёл мои руки над головой и зафиксировал тело своей тяжестью. Он мог одной рукой обхватить оба моих запястья и удержать даже без усилия. Эта борьба не могла быть хоть сколько-нибудь успешной для меня, но мне уже было всё равно. Я зажмурилась так, что перед глазами заплясали яркие огоньки, и услышала жёсткий голос:

— Тише, ты сама пришла. Помнишь? Первый день в про-

фессии?

— Что?! Нет!

Я покраснела до кончиков волос, осознав, насколько двусмысленно прозвучал мой ответ.

— Я не... — я запнулась, не зная, как оправдаться.

Для тирана судьба — оправдание зла, для слабого — оправдание неудачи. Я была слабой. Я не могла даже открыть глаза, чтобы посмотреть на него. Его близость была невыносимой. Он отпустил мои руки, но я так и осталась лежать, боясь шевельнуться. В голове у меня полная каша. Мысли перескакивают. Я уже ничего не понимаю и не могу проанализировать. Мозг ушёл в бессознательное. Тело меня предаёт.

Горячее дыхание обожгло мои губы, но он меня не поцеловал. Он скользнул ниже вдоль шеи и остановился на груди. Ртом он захватил чувствительный сосок, а тёплая ладонь сжала нежное полушарие. Он слегка оттянул его и обвёл ареолу языком. То же самое он проделал со второй грудью. И вдруг тело предало — стало приятно, хотя я этого не хотела. Грудь окончательно затвердела, по животу прошёл сладкий спазм, а между ног стало влажно.

Это было дико, это было неправильно, но моё тело реагировало на его ласку. Несмотря на весь страх, мне не было больно. Его тяжесть даже начала казаться мне... приятной.

Ощущения стали невыносимыми. Пока мой разум кричал от ледяного безразличия и несправедливости, пока я судо-

рожно вспоминала советы мамы и холодные стены родительского дома, мои чувства начали плавиться. Его прикосновения были точными и безжалостными, они находили отклик там, где я годами возводила ледяные дамбы. Он знал, что делал, как будто бы знал меня долго и лучше, чем я сама себя знала. Тело стало чужим.

Возможно, где-то в глубине души я жаждала именно такой силы и напора. Желания иногда сбываются, становясь проклятием. Он продолжал ласкать мою грудь, пока я окончательно не расслабилась, сама не заметив, как дыхание стало тяжёлым и прерывистым. Его губы скользнули ниже, к животу, обвели пупок и устремились к бёдрам. Затем он снова поднялся к моему лицу и поцеловал — жарко, властно, лаская мой язык, в то время как его рука скользнула под бельё, раздвигая влажную плоть, проводя по бугоркам.

Пальцем он коснулся нежной точки у самого входа и легко помассировал её. Это было такое острое и неожиданное удовольствие, что я невольно приподняла таз. Воспользовавшись этим несдержанным движением, он продвинул палец внутрь, обводя упругие складочки у входа, а большой палец в это время надавливал на бугорок сверху.

Дышать стало совсем сложно. В этот момент тяжесть тела ушла. Он стянул с меня трусики. Я услышала звук расстёгиваемого ремня, потом зашуршала ткань брюк и раздался треск разрываемой упаковки. Эта мимолётная мысль о безопасности немного привела меня в чувство. Я по-прежнему

не открывала глаз. Мужчина опустил на меня, рукой раздвигая ноги ещё шире. Резкий толчок большого члена вызвал волну боли, я вскрикнула и опять попыталась его оттолкнуть. Он на мгновение замер, но затем произнёс:

— Не сопротивляйся, — жёстко бросил он. — Будет только хуже.

Эти простые слова отрезвили меня, обратного пути не было. Я вздохнула и попыталась расслабить мышцы, но не получилось. Он пришёл в движение, толчки были мощные, каменный ствол входил на полную длину, раздвигая нежные складочки. Мне было больно, и я отчаянно жмурилась. Но постепенно тело адаптировалось, неприятные ощущения потонули в его движениях.

Не знаю, сколько времени прошло, но неожиданно для себя мне стало хорошо: горячие волны окатывали тело, электрические разряды бегали снизу вверх. Я ощущала предельную наполненность, когда он касался сразу всех чувствительных мест внутри меня. Он двигался размеренно, совсем не быстро. В какой-то момент я не смогла сдержать тихий стон. И ещё один. И ещё.

Комната наполнилась звуками нашего дыхания, жаром его кожи и острым, животным осознанием того, что я больше не принадлежу себе. А потом что-то взорвалось внизу живота, я выгнулась, и острое удовольствие спазмами растеклось по телу. Мужчина на этом не остановился: он продолжил толчки уже быстрее, пока не вонзился глубоко в меня

и застыл.

Спасибо за ваш отклик ##

Вижу, как вы переживаете за развитием событий. Это очень приятно##

История личная. Она писалась с душой и без спешки.

С 7 главы книга переходит в платный доступ. Это решение далось мне непросто, но я хочу сохранить возможность продолжать писать именно так — глубоко, откровенно и без упрощений.

Если вы решите остаться с Лидой и Князем дальше — автору это очень приятно. Если нет — спасибо, что вы уже были рядом. История продолжается. И самое важное и интересное в ней — впереди.##

Дальше только горячее # ^ #♡

Глава 7

Я закончил первый раунд, но не бой. Поднялся и, даже не глянув в её сторон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.